

РЕДАКЦИЯ СВЕТА

Как глаголы пересобирают мир

Пётр Касминин

Пётр Касминин

**Редакция Света. Как
глаголы пересобирают мир**

«Автор»

2026

Касминин П.

Редакция Света. Как глаголы пересобирают мир / П. Касминин — «Автор», 2026

Мы привыкли читать Библию как хронику создания вещей. Но древнееврейский текст говорит о другом: мир состоит не из объектов, а из глаголов. Свет — это не явление, а проявление. Земля — не кусок материи, а состояние твёрдости. День — не 24 часа, а окно для дела. Пётр Касминин читает первую главу Бытия как техническую документацию к редакции реальности. Он показывает: катастрофа первого мира была не в грехопадении, а в том, что глаголы назвали объектами. Отец и сын есть — но без любви они перестают быть отцом и сыном. Небо и земля есть — но без глагольных сутей мир начинает тлеть. Эта книга — о том, как глаголы спасают озон, как совесть рождается в культуре, а не даётся свыше, и как каждый из нас — не потребитель, а производитель бытия.

© Касминин П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Касминин

Редакция Света. Как глаголы пересобирают мир

Редакция Света. Как глаголы пересобирают мир

Что, если мы неправильно читаем первую главу Бытия? Что, если мир создан не из объектов, а из глаголов — и катастрофа первого мира была не в грехопадении, а в том, что глаголы называли вещами?

Пётр Касминин предлагает дерзкое и редкое прочтение: он берёт самый «заезженный» текст западной цивилизации и читает его так, как будто его никто никогда не читал. Не как хронику сотворения, а как техническую документацию к редакции реальности. Не как богословие, а как лингвистическую археологию, соединённую с экзистенциальной публицистикой.

Он показывает: «берешит» — не абсолютное начало, а точка входа в уже существующий процесс. «Тоху ва-воху» — не «пустота», а диагноз: мир, который уже катился к краху. «Бара» — не «создать из ничего», а расчистить, отделить, извлечь суть. А артикли и частица «эт» в Быт. 1:1 грамматически доказывают: небо и земля уже были, когда Бог начал действовать.

Центральная метафора книги — отец и сын. Они есть как объекты, но без любви — глагола, связующего их, — они перестают быть отцом и сыном в человеческом смысле. Форма соблюдена, жизнь умерла. Так и мир в Бытии 1:1 существует — но без «воинства», без глагольных путей, он обречён.

Книга отвечает на вопросы: почему озон спасся, а совесть не была дана свыше? Почему закон без личности — пустышка? Почему ИИ без человека — генератор шума? И почему каждый из нас — не потребитель, а производитель глаголов, от которых зависит, будет ли мир просто «небом и землёй» — или станет городом, имя которому «Господь там».

Пётр Касминин

РЕЦЕНЗИЯ

О книге Петра Касминина «Редакция Света: как глаголы пересобирают мир»

Пётр Касминин совершает дерзкий и редкий в современной интеллектуальной прозе жест: он берёт самый «заезженный» текст западной цивилизации — первую главу Книги Бытия — и читает его так, как будто его никто никогда не читал. Не как хронику сотворения, не как миф, не как поэзию, не как научный трактат. А как отчёт о катастрофе, как техническую документацию к редакции реальности, как драму глаголов, попавших в плен к объектам.

Это не богословие в привычном смысле. Это скорее лингвистическая археология, соединённая с экзистенциальной публицистикой. Касминин не спрашивает: «Что хотел сказать Бог?» Он спрашивает: «Что *сделал* текст, и почему мы перестали это видеть?»

Исходная интуиция автора проста, как все великие открытия: мы привыкли воспринимать мир как набор вещей (существительных). Но древнееврейский язык, по мысли Касминина, фиксирует мир как набор процессов (глаголов). Свет — не явление, а *проявление*. Суша — не кусок материи, а *состояние высыхания*. День — не 24 часа, а *окно для дела*.

И главный грех первого творения (а значит, и нашего мира) — не в том, что люди согрешили, а в том, что глаголы были названы объектами. Свету дали имя, но не дали власти. Дню — длительность, но не смысл. Земле — субстанцию, но не предназначение. В результате мир начал глеть не от внешнего врага, а от внутреннего отравления — от потери глагольной связи.

Самый сильный ход Касминина — это метафора отца и сына. Отец и сын есть (объекты), но если между ними нет любви (глагола), они перестают быть отцом и сыном в человеческом смысле. Форма соблюдена, жизнь умерла. Точно так же мир в Бытии 1:1 существует (небо и земля есть), но без «воинства» (глагольных сутей) он обречён. И вот входит Редактор (Бог как *бара* — расчиститель, отделитель) и пересобирает порядок, вынося глаголы за скобки материи, в 7-й день, в архив, в «Ангела всех дел».

Особого внимания заслуживает глава о совести. Касминин смело утверждает: совесть не была дана человеку свыше как готовая скрижаль. Она родилась в культуре, как ответ на внутренний конфликт, как необходимость, как глагол, который люди открыли в себе *до* того, как религия освятила его. Это не антирелигиозный пассаж, а наоборот: религия здесь выступает не как создатель, а как приёмный родитель, который узнаёт совесть, даёт ей имя и возвышает. Этот ход превращает «Редакцию Света» из богословского трактата в антропологическое исследование — человек здесь не «раб Божий», а со-творец глаголов, производитель смыслов.

Стиль книги — это отдельный литературный феномен. Касминин пишет как человек, который одновременно говорит с паствой, с аудиторией TED, с лингвистами и с теми, кто никогда не открывал Библию. Его предложения ритмичны, часто гипнотичны; он не боится пафоса, но пафос этот всегда обоснован — не риторикой, а логикой текста. Иногда автор нарочито повторяет ключевые формулы (глагол, объект, редакция, воинство), и это работает как мантра, как заклинание, возвращающее читателя к главной мысли.

Что можно было бы поставить в упрёк? Иногда аналогии становятся слишком красивыми, слишком гладкими. Мир в изложении Касминина слишком стройно подчиняется его схеме; есть ощущение, что автор «закрывает» текст от неудобных деталей. Например, проблема зла, телесности, исторической конкретики остаётся за скобками. Это философский эпос, а не экзегетика — и в этом его сила, и в этом его предел.

Но главное, что отличает «Редакцию Света» от многих интеллектуальных бестселлеров последних лет, — это практический вывод. Книга не просто объясняет, как устроен мир. Она даёт читателю инструмент: смотреть на любую вещь (закон, институт, семью, технологию) и спрашивать: *«А где здесь глагол? Кто здесь действует? Есть ли здесь личность, которая оживляет форму?»*

Если сухой закон без живого примера — пустышка, то живой пример без закона — хаос. Касминин предлагает не отмену объектного мира, а его пересборку через возвышение глаголов. И в этом его книга перекликается с главным нервом нашего времени: эпоха алгоритмов, ИИ и правил до смерти нуждается в личностном авторитете, в живом Свете, который делает день возможным.

«Редакция Света» — это не религиозная проповедь. Это интеллектуальный манифест, который будет интересен всем, кто чувствует, что мир выдыхается от избытка информации и недостатка смысла. Кто ищет не веру, а понимание. Кто готов услышать древний текст как предупреждение и как инструкцию.

Рекомендуемая аудитория:

Философы, богословы, культурологи, лингвисты, а также широкая интеллектуальная публика, интересующаяся герменевтикой, антропологией и экзистенциальными вызовами современности.

Ключевые слова:

Бытие, редакция реальности, глагол vs объект, берешит, тоху ва-воху, совесть как глагол, седьмой день как архив, Иисус как Свет, закон и личность.

© Пётр Касминин, 2026

РЕДАКЦИЯ СВЕТА

Как глаголы пересобирают мир

Пролог Глагол, который спас озон

В 1974 году двое учёных — Шервуд Роулэнд и Марио Молина — опубликовали статью. Они обнаружили, что обычные аэрозольные баллончики и холодильные установки выбрасывают в атмосферу хлорфторуглероды (ХФУ). И эти ХФУ, поднимаясь в стратосферу, разрушают озон.

Статья была встречена с вежливым интересом. Но никто не запаниковал.

Почему? Потому что озон — это не объект, который можно увидеть и пощупать. Это *глагол* — процесс фильтрации, невидимая защита, которая просто работает. Пока она работает — мы не замечаем её. Мы принимаем её как данность.

К 1980-м годам рынок действовал по своей логике. ХФУ были удобны, дешевы, прибыльны. Производители говорили: «Научные данные неубедительны. Запреты разрушат экономику». Политики говорили: «Мы подождём окончательных доказательств». Глаголы — ограничения, запреты, предосторожность — были нивелированы. Им не придавали цены. Они казались лишними, мешающими, ненужными для «реального мира».

Каждый год ХФУ выбрасывалось всё больше. Разрушение озона шло незаметно. Как ржавчина, которая подтачивает металл изнутри — не видно глазу, пока структура не становится хрупкой.

В 1985 году британские учёные опубликовали шокирующие данные: над Антарктидой дыра. Дыра в защите. Ультрафиолет, который раньше отсекался, теперь пробивался к поверхности Земли. Катастрофа зрела внутри системы годами. И когда она проявилась — оказалось, что глаголы, которые могли её остановить, были мертвы. Они были недооценены. Они не имели веса.

А потом случилось нечто, что перевернуло логику.

В 1987 году в Монреале собрались представители 46 стран. Они не стали создавать новый мир, новую экономику, новые технологии. Они не переизобретали цивилизацию. Они взяли *уже существующий* рынок, *уже существующие* производства, *уже существующие* объекты — и возвысили глаголы.

ХФУ были объявлены не просто «вредными» — они были объявлены неприемлемыми. Добровольные ограничения стали жёсткими обязательствами. Глагол «запрещать» — его *подняли в цене*. Поставили над объектами. Сделали неотчуждаемым.

И что произошло? Мир не рухнул. Экономика выжила. Производители нашли альтернативы. А озоновый слой — тот самый невидимый *глагол*, который фильтрует солнечный свет — начал восстанавливаться. Это единственный случай в истории глобальной экологии, когда международное соглашение сработало на 100%.

Почему? Потому что глагол был оценён. Его вынесли за скобки объектного мира. Он перестал быть приложением к реальности — он стал её основой.

Точка входа: почему «берешит» — это не начало

Теперь остановимся и посмотрим на текст, который мы привыкли читать механически.

Первую главу Библии мы привыкли читать как историю о *создании объектов*. В начале Бог сделал небо. Потом землю. Потом свет. Потом сушу. Потом светила. Потом рыб и птиц. Потом зверей. И наконец — человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.